

республики. С другой стороны, лидер НСДАП был уверен в том, что вопрос безопасности данных территорий полностью контролируется германским правительством, именно поэтому «Польша до сих пор не напала на Данциг». На одном из заседаний рейхстага министр вооружённых сил Германии В. Грёнер выступил с материалом, согласно которому частям, находившимся в Данциге, был отдан приказ о создании условий для провокации вооружённого конфликта на границе Польши и Поморского воеводства.

Таким образом, проблема Поморья занимала важное место во взаимоотношениях Веймарской республики и Польши в начале 1930-х годов. Для Германии в первую очередь стояла главная цель – добиться проведения пересмотра установленных Версальским мирным договором государственных границ Веймарской республики на востоке, для Польши – любой ценой отстоять интересы правительства по отношению к собственным территориальным владениями, в частности на земли «данцигского коридора». С приходом А. Гитлера на пост канцлера Германии в 1933 году последовало более стремительное развитие событий в германо-польских отношениях относительно восточной границы будущего Третьего рейха.

Источники и литература:

1. Зубачевский, В.А. Проблема Данцига и польского коридора в германо-польских отношениях в 1929–1933 гг. / В.А. Зубачевский // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 7. – С. 14–19.
2. Holtje, Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlokarne-Problem 1919–1934: Revision oder Garantie der deutschen Ostgrenze von 1919 / Ch. Holtje. – Würzburg, 1958. – 410 s.
3. Kalisch, J. Zur Genesis der deutsch-polnischen Nichtangriffserklärung vom 26. Januar 1934 / J. Kalisch // Wiss. Ztschr. Rostock. – 1976. – S. 171–180.
4. Katelbach, T. Niemcy na przelomie / T. Katelbach // Straznica Zachodnia. – 1932. – № 4. – S. 409–413.
5. Wojcechowski, M. Polska i Niemcy na przelomie lat 1932–1933 / M. Wojcechowski // Roczniki Hist. – 1963. – Rocz. XXIX. – 288 s.

БАЛКАНСКАЯ АНТАНТА И КОНФЕРЕНЦИЯ В МОНТРЕ 1936 г.¹

Д.В. Родин (Москва)

Одним из немногих документов 1930-х гг., сохраняющих силу и значение даже в начале XXI в., является конвенция Монтрё о статусе черноморских проливов, принятая в 1936 г. События последних лет в еще большей степени высветили ее значение для обеспечения коммуникаций между Черным морем и Восточным Средиземноморьем, а также безопасности южных рубежей Российской Федерации. Нельзя не согласиться со следующим мнением: «Доктрина Монтрё – это основа гармоничного взаимоотношения стран, целью которого является обеспечение политического равновесия и упорядочение судоходства в проливе» [7, с. 51].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии №20-59-18007.

Нельзя сказать, что конференция в Монтрё относится к числу неисследованных тем: подробно изучены проекты конвенции, проанализированы столкновения английской и советской делегаций в ходе конференции, сделаны соответствующие выводы о том, кому, в конечном счете, была наиболее выгодна новая конвенция [1; 2; 10; 12; 15, с. 405–436; 17; 19; 21; 26; 34; 35, с. 178–181; 38, с. 132–133, 288–289]. Однако обилие исторической литературы по конференции в Монтрё вовсе не означает, что данный сюжет полностью исчерпан. Если позиции советской, британской, французской и турецкой дипломатии на конференции изучены достаточно хорошо, то дипломатия стран-союзниц Турции по созданной в 1934 г. Балканской Антанте – Греции, Румынии, Югославии – в научной литературе освещена не столь подробно [3]. Между тем в силу их географического положения решение проблемы судоходства в проливах Босфор и Дарданеллы обязательно должно было быть достигнуто с учетом их интересов. Определению позиции стран Балканской Антанты по вопросу пересмотра статуса черноморских проливов и оценке степени их консолидации в условиях англо-советского соперничества на конференции в Монтрё и посвящена данная статья.

Весной 1936 г. главным событием международной жизни стала ремилитаризация Рейнской области. Германское правительство создавало важный прецедент по пересмотру мирных договоров, заключенных по итогам Первой мировой войны, путем их прямого нарушения в одностороннем порядке, и ее примеру могли последовать другие страны-ревизионисты. Подобное развитие событий вызывало немалое беспокойство у стран Балканской Антанты. В той же Румынии значительная часть буржуазии опасалась, что агрессия Германии «подтолкнет Венгрию и Болгарию к ревизии военных и территориальных статей Трианонского и Нейиского договоров» [18, с. 9]. Аналогичный страх испытывали и в Белграде, в связи с чем югославский премьер-министр М. Стоядинович заверил французского посланника в Белграде Р. де Дампьера, что Франция может рассчитывать на полную поддержку Югославии и ее армии в случае войны с Германией [28, с. 476].

Сложившейся ситуацией воспользовалось турецкое правительство. Однако вместо нарушения в одностороннем порядке Лозаннского договора 1923 г. турецкое правительство нотой от 11 апреля 1936 г. предложило пересмотреть его при участии всех держав, подписавших предыдущую конвенцию о проливах. Этот метод противопоставлялся действиям Германии и Италии, что, как писала газета «Правда», было по достоинству оценено в Лондоне: «За турецким правительством признается заслуга в том, что оно прибегло к правильной процедуре, находящейся в соответствии с его правами» [11].

Как следствие, реакция общественности балканских стран на турецкую ноту была весьма благоприятной. Югославская газета «Време» писала: «Югославия изучит дарданелльский вопрос с величайшей благосклонностью, стремясь совместно с другими государствами Балканской и Малой Антант к соответствующему решению предложенного Турцией вопроса» [22]. Аналогичные заявления были и в румынской газете «Адеверул»: «Искренняя дружба и сотрудничество с Турцией в Балканской Антанте,

а также наши хорошие отношения с Советским Союзом обеспечивают возможность такого решения вопроса, при котором интересы Румынии были бы согласованы с пожеланиями Турции» [16].

Вслед за прессой о согласии с Турцией заявили и правительства балканских стран. Правительство М. Стоядиновича, дав положительный ответ на турецкую ноту, рассчитывало взамен на помощь Турции в случае итальянской агрессии против Югославии [17, с. 28]. Министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску, поначалу осудивший Анкару за то, что последняя не согласовала ноту со своими союзниками по Балканской Антанте, после переговоров с генеральным секретарем министерства иностранных дел Турции Н.Р. Менеменджиоглу согласился поддержать турецкую ноту [24, с. 450]. Греция, согласившись с требованиями Турции, в то же время выступила против пересмотра Нейиского договора с Болгарией, а также выдвинула взаимные требования об укреплении Эгейских островов [4].

Окончательно позиция стран-участниц Балканской Антанты была согласована на конференции, прошедшей в Белграде 4–6 мая 1936 г. Присутствовавшие на конференции представители стран-участниц союза, в частности Н. Титулеску, одобрили стремление Турции «изменить существующий режим проливов, не касаясь территориальных вопросов» [29, с. 253]. Анкара заручилась поддержкой своих союзников по Балканской Антанте в вопросе о режиме проливов и, кроме того, укрепила свой авторитет у балканских стран.

Согласившись с созывом конференции по пересмотру статуса черноморских проливов, Белград, Бухарест и Афины оказывались перед новым вопросом: какую позицию они займут на самой конференции? В немалой степени это зависело от действий Франции – их «покровителя» из числа великих держав. Доминантой французской дипломатии на данном этапе являлось укрепление франко-советского партнерства, оформившегося в связи с заключением пакта о взаимопомощи 1935 г., в связи с чем французские дипломаты, по замечанию Э.Р. Делуки, «горячо и открыто приняли советские предложения касательно проливов и последовательно поддерживали советские инициативы во время переговоров в Монтрё» [26, с. 37].

Соответственно, аналогичную позицию были готовы занять и Румыния с Югославией. Первую к сотрудничеству с СССР подталкивал также факт того, что с июня 1935 г. Москва и Бухарест вели переговоры о заключении пакта о взаимопомощи, который, по словам Н. Титулеску, являлся «жизненной необходимостью для Румынии» [20, с. 28]. Вследствие ориентации на сотрудничество с Парижем и Москвой румынский министр иностранных дел заверял советского полпреда в Бухаресте, что на предстоящей конференции Румыния практически по всем вопросам «пойдет за СССР» [5, с. 293]. Что касается Белграда, то, несмотря на господствовавшие в Югославии антисоветские настроения, он был вынужден уступить давлению своих союзников по Малой Антанте, Румынии и Чехословакии, помощь которых была необходима Югославии для противодействия венгерскому ревизионизму [13, с. 36].

Особый случай представляла позиция Афин. С апреля 1936 г. премьер-министром Греции являлся И. Метаксас, со времен правления Константина I (1914–1917, 1920–1922) считавшийся германофилом [25, с. 132]. Усиление Германии после ремилитаризации Рейнской области, равно как и укрепление международных позиций Италии после аннексии Абиссинии в мае 1936 г., подталкивали его к переориентации на лагерь стран-ревизионистов. Важным шагом в этом отношении стало заявление И. Метаксаса на конференции Балканской Антанты в Белграде о том, что Греция предпримет военные действия в соответствии с пактом 1934 г. только в случае агрессии со стороны балканской державы, но если нападение на члена Балканской Антанты совершит небалканская держава (под которой в первую очередь подразумевалась Италия), то Греция останется нейтральной [37, с. 155]. Подобные заявления позволяли усомниться в том, что на предстоящей конференции Греция последует за своими союзниками.

На открывшейся 22 июня 1936 г. конференции в Монтрё практически сразу обозначилось противостояние делегаций от СССР и Великобритании. В их дебатах, по словам прессы, «столкнулись два противоположных тезиса, две концепции международного права. Английский тезис основан на праве довоенного периода – право воюющих сторон, военная необходимость, нейтральность. Советский тезис основан на новом праве – уважение к уставу Лиги наций» [8]. Делегации стран Балканской Антанты должны были определиться, чей проект в большей степени соответствует их интересам.

На конференции обозначился отход Турции от дружбы с Советским Союзом и ее переориентация на Англию, готовую согласиться с турецкими требованиями о демилитаризации проливов и вместе с тем поддерживающую линию на сдерживание СССР [14, с. 335]. Наибольшее недовольство у советской стороны вызвало предложение Т.Р. Араса «закрыть конференцию, ограничившись отменой демилитаризации проливов и оставив в силе весь остальной лозаннский режим», т.к. это противоречило «интересам безопасности как Черного моря, так и самих проливов» [5, с. 351]. Французский посол в Москве Ш. Алфан считал, что поддержка турками английского проекта отражала стремление Анкары продемонстрировать свою независимость от Москвы, и отмечал рост британского влияния в Анкаре [29, с. 627–629].

Остальные страны Балканской Антанты в начале конференции заявили о поддержке требований Турции. Выразителем их интересов стал глава румынской делегации Н. Титулеску. Выступая за пересмотр Лозаннской конвенции, в одной из своих речей он подчеркнул, что «если для Турции проливы являются сердцем, то для Румынии они служат легкими» [31]. Особое внимание при этом обращалось на то, что Анкара решила добиваться пересмотра соглашения, заключенного по итогам Первой мировой войны, путем созыва международной конференции. Газета «Правда» цитировала румынскую печать: «На этот путь должен будет встать каждый, кто будет требовать вооружений или разоружения в какой-либо области, если он не хочет встретить категорический отпор со стороны Малой и Балканской Антанты» [9].

Однако в отличие от турок, румыны, югославы и греки отказались поддержать английские предложения, предпочтя им советский проект. Причину этого верно определил временно исполняющий обязанности министра иностранных дел Великобритании лорд Галифакс: в меморандуме от 13 июля он признавал, что поправки к конвенции, внесенные Советским Союзом при поддержке Франции и Румынии, призваны «способствовать функционированию франко-советского пакта и франко-румынского союза и, в меньшей степени, Балканской Антанты, обязав Турцию проявлять особое отношение к этим пактам» [30, с. 728–729]. Важную роль играло и стремление румынского министра иностранных дел достичь договоренностей с СССР по вопросу о заключении пакта о взаимопомощи. В интервью газете «Универсул» он прямо заявил, что «сближение... с Советским Союзом является наилучшим способом, позволяющим существующим союзам Румынии в полной мере реализовать свою ценность» [36].

Как следствие, румынская делегация неизменно блокировалась с делегациями Франции и СССР, а в одном из выступлений Н. Титулеску прямо задал англичанам вопрос: «Почему Великобритания в Женеве поддержала пакты о взаимопомощи, а в Монтрё выступает против них?» [23]. Обвинив Англию в попытках подрыва франко-советского и франко-румынского пактов, а также Балканской Антанты, Н. Титулеску, не дожидаясь возражений англичан, покинул зал заседаний, отправившись на поезд до Бухареста (впрочем, вскоре он вернулся обратно).

Главы делегаций Югославии и Греции, И. Субботич и Н. Политис, проявляли значительно меньшую активность, несмотря на то, что последний являлся вице-председателем конференции. При открытии конференции они кратко заявили о своих «симпатиях» в отношении турецких требований [31]. В дальнейшем югославская делегация поддерживала все инициативы румынских коллег, что позволило некоторым сторонним наблюдателям говорить о «блестящей защите» системы взаимопомощи румынами и югославами [27, с. 17]. Н. Политис, в свою очередь, имея в виду укрепление безопасности Греции, параллельно с обсуждением проекта конвенции о проливах в кулуарах высказывался о возможности присоединения Италии к «джентльменскому соглашению» о взаимопомощи, заключенному между Великобританией, Турцией, Грецией и Югославией в декабре 1935 г., однако данные предложения не нашли поддержку у других делегатов [33, с. 555].

Предпочитая сохранять единство в рядах Балканской Антанты, на заключительных заседаниях конференции главы югославской и греческой делегации заявили об однозначной поддержке советско-французского проекта [29, с. 702]. При согласовании последних статей конвенции Н. Политис заявил среди всеобщих аплодисментов: «Наша конференция – первый шаг к восстановлению международной законности» [6]. Одновременно глава греческой делегации сделал реверанс в сторону Турции, объявив, что последняя завершила работу на конференции, «значительно укрепив свой моральный авторитет в роли знаменосца международной законности» [32].

В результате консолидированная позиция Румынии, Югославии и Греции заставила турецкую делегацию снять свои возражения против проекта конвенции, подготовленного делегациями СССР и Франции. Перед угрозой изоляции английская делегация была вынуждена пойти на определенные уступки. 20 июля состоялось подписание конвенции о статусе проливов, на следующий день конференция завершила свою работу. Принятая конвенция символизировала победу советской дипломатии, но, как верно подмечали историки, «эту победу держала в руках Анкара», т.к. применение основных статей конвенции зависело от курса внешней политики Турции [21, с. 261]. Тем не менее советской делегации удалось добиться максимально возможного результата, и успех СССР был бы немислим без поддержки со стороны не только Франции, но и стран-участниц Балканской Антанты, отдавших приоритет существующим пактам о взаимопомощи и принципу неделимости безопасности.

Источники и литература:

1. Авершин, В.И. Борьба СССР за мир и коллективную безопасность против фашистской агрессии в Центральной и Юго-Восточной Европе (май 1935 г. – июль 1936 г.) / В.И. Авершин // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Сб. 4 / отв. ред. И.Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1975. – С. 41–62.
2. Альтман, В.В. Из истории борьбы СССР за мир (Конференция в Монтре) / В.В. Альтман // Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти академика А.М. Панкратовой. Сборник статей. / отв. ред. В.В. Альтман. – М.: Акад. Наук СССР, 1958. – С. 498–523.
3. Бистрицки, В. Балканские государства и проблема безопасности в 1936–1938 г. / В. Бистрицки // *Studia Balcanica 7: Les grandes puissances et les Balkans a la veille et au debut de la deuxieme guerre mondiale 1937-1941. Conference intern. Sofia, 21–26 avril 1971.* – Sofia : Acad. bulgare des sciences Inst. d'études balkaniques, 1973. – P. 273–284.
4. Дженкинс. Греция намерена укрепить свои острова / Дженкинс // Известия. – 1936. – 16 апреля. – С. 2.
5. Документы внешней политики СССР. – Т. 19 : 1 января – 31 декабря 1936 г. / отв. ред. Г.К. Деев. – М.: Госполитиздат, 1974. – 823 с.
6. Закрытие конференции в Монтре // Известия. – 1936. – 20 июля. – С. 1.
7. Ивкина, Н.В. Нарушение конвенции Монтрё как угроза безопасности России / Н. В. Ивкина, Т. С. Павлова, М.А. Никулин // Морской сборник. – 2020. – № 1. – С. 49–57.
8. Конференция в Монтре // Известия. – 1936. – 10 июля. – С. 1.
9. Конференция в Монтре. Комментарии печати // Правда. – 1936. – 27 июня.
10. Кузьмин, В.А. Политика великих держав на Ближнем Востоке (март – октябрь 1936 г.) / В.А. Кузьмин // Международные отношения на Ближнем Востоке и Северо-Востоке Африки в новейшее время : межвуз. сб. / отв. ред. Д.А. Макеев. – Владимир : Владимир. гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1985. – С. 11–27.
11. Майорский, Н. Английская печать о турецкой ноте / Н. Майорский // Правда. – 1936. – 14 апреля. – С. 5.
12. Постников, А.С. Конференция в Монтре 1936 г. и позиция Франции / А.С. Постников // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время / отв. ред. И.Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1983. – С. 19–32.
13. Постников, А.С. Переговоры Франции и стран Малой Антанты о заключении договора о взаимопомощи (июнь 1936 – апр. 1937) / А.С. Постников // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932–1945 / отв. ред. И.Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1984. – С. 33–46.

14. Родин, Д.В. Советско-турецкие отношения в контексте конференции в Монтре 1936 года / Д.В. Родин // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: материалы научно-практической конференции, Севастополь, 13–15 сентября 2018 года / под ред. Е.А. Барминой, О.А. Москаленко. – Севастополь : ФГАОУ ВО «СевГУ», 2018. – С. 330–340.
15. Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия) / отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатъев. – М. : Международные отношения, 1999. – 556 с.
16. Румынская печать о ноте Турции // Правда. – 1936. – 21 апреля. – С. 1.
17. Рябоконт, С.И. Позиция английской дипломатии в период конференции в Монтре 1936 г. / С.И. Рябоконт // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время / отв. ред. И.Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1986. – С. 25–41.
18. Рябоконт, С.И. Рейнский кризис и Балканская Антанта (март – май 1936) / С.И. Рябоконт // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943) / отв. ред. И. Н. Чемпалов. – Свердловск : УрГУ, 1979. – С. 5–20.
19. Смирнова, Н.Д. Средиземноморье и Балканы / Н.Д. Смирнова // Европа в международных отношениях, 1917–1939 / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Наука, 1979. – С. 174–205.
20. Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы : в 2 т. / отв. ред. А.А. Авдеев, М.-Р. Унгурияну. – М. : Междунар. отношения, 2000. – Т. II : 1935–1941. – 544 с.
21. Хормач, И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. / И.А. Хормач. – М.: Институт российской истории Российской академии наук ; Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 486 с.
22. Югославские отклики на турецкую ноту // Правда. – 1936. – 18 апреля. – С. 1.
23. A «Breeze» at Montreux // The Times. – 1936. – July 10. – P. 16.
24. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. C: 1933–1936. Bd. V, 1: 5. März bis 25. Mai 1936 / Hrsg: W. Bußmann. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. – 642 s.
25. Cliadakis, H. The Political and Diplomatic Background to the Metaxas Dictatorship, 1935–36 / H. Cliadakis // Journal of Contemporary History. – 1979. – Vol. 14, № 1. – P. 117–138.
26. Deluca, A.R. Great Power Rivalry at the Turkish Straits: the Montreux Conference and the Convention of 1936 / A.R. Deluca. – Boulder : East European Quarterly, Columbia University Press, 1981. – 224 p.
27. Deluca, A.R. Montreux and Collective Security / A.R. Deluca // The Historian. – 1975. – Vol. 38, № 1. – P. 1–20.
28. Documents diplomatiques français 1932–1939. 2e serie (1936–1939). – Tome I / éd. P.I.E.-Peter Lang. – Paris : Ministère des affaires étrangères, 1963. – 756 p.
29. Documents diplomatiques français 1932–1939. 2e serie (1936–1939). – Tome II / éd. P.I.E.-Peter Lang. – Paris : Ministère des affaires étrangères, 1964. – 763 p.
30. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. 2nd Ser.: 1929–1938. – Vol. XVI : The Rhineland crisis and the ending of sanctions, March–July, 1936 / ed.: E. L. Woodward, R. Butler. – London : Stationery Office, 1977. – 811 p.
31. Future of the Straits // The Times. – 1936. – June 23. – P. 16.
32. Good Will at Montreux // The Times. – 1936. – July 20. – P. 12.
33. I documenti diplomatici italiani. Ottava serie: 1935–1939. – Vol. IV : 10 maggio – 31 agosto 1936 / ed. P. Pastorelli. – Roma : Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato P.V., 1993. – 1062 p.
34. Morf, J. Die Dardanellenfrage an der Konferenz von Montreux 1936 / J. Morf. – Bern : Lang, 1977. – 253 s.
35. Neilson, K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919–1939 / K. Neilson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 389 p.
36. Rumania and Russia // The Times. – 1936. – July 18. – P. 11.
37. Rizas, S. Geopolitics and Domestic Politics: Greece's Policy Towards the Great Powers During the Unravelling of the Inter-War Order, 1934–1936 / S. Rizas // Contemporary European History. – 2011. – Vol. 20, № 2. – P. 137–156.
38. Steiner, Z. The Triumph of the Dark: European International History, 1933–1939 / Z. Steiner. – N. Y. : Oxford University Press, 2011. – 1236 p.